как один из принадлежащих невесте предметов сохранились. Это отсутствие именного кольца и сохранение других элементов сюжета „о верной жене“ может служить доводом в пользу предположения, что „Повесть о Карле“ более позднего происхождения, чем сказки №№ 336 и 337.

При сопоставлении фабулы „Повести о Карле“ и сказки № 336 не остается сомнения, что перед нами два разных социально окрашенных варианта одного и того же сюжета. В главнейших пунктах развития сюжета и в их последовательности и „Повесть о Карле“ и сказка № 336 полностью совпадают. Расхождения имеются в двух случаях: во-первых, в том, как портрет невесты попадает в руки короля Максимияна (в „Повести“) и царя (в сказке № 336); во-вторых, в той мотивировке, которой объясняется клевета генерал-фельдмаршала (в „Повести“) и „злющего генерала“ (в сказке).

В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ говорится о том, что по приезде в Париж герой поселился в трактире и что в это самое время вышел королевский указ об истреблении идолопоклонников. Жена трактирщика подсмотрела, что Карл по утрам целует портрет своей сестры; полагая, что в этом проявляется идолопоклонство гишпанского дворянина, трактирщица донесла о виденном непосредственно самому королю, в результате чего в руки последнего и попал портрет Софии.

В сказке же № 336 царь, во время посещения корабля, принадлежавшего купеческому сыну, увидел в хозяйской каюте портрет необыкновенной красавицы, как оказалось, — сестры хозяина.

Таково первое отличие „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ от сказки № 336. Как видно из изложенного, в „Повести“ портрет невесты попадает в руки второго героя гораздо более сложным путем, чем в сказке. Автор „Повести“ имел, очевидно, стремление сделать свое произведение сюжетно более занимательным и поэтому развил простой элемент сказки в псевдоисторический эпизод.

Гораздо интереснее второе отклонение „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ от сказки № 336. В сказке, как уже указано, козни „злющего генерала“ объясняются его опасением, что в случае женитьбы царя на купеческой дочери жене генерала придется „купчихе кланяться“. В „Повести“ же генерал-фельдмаршал оказывается „названным тестем“ короля Максимияна. „Умышленно, — говорит король в конце „Повести“, — оной генерал-фельдмаршал привел меня к тому, чтобы я в молодых летех сговорил к супружеству [его дочь] себе невесту, на что я и позволил...“ (л. 22).

Случайно или нет, но отношение короля Максимияна к дочери генерал-фельдмаршала очень напоминает отношение малолетнего Петра II к Екатерине Александровне Меншиковой, с которой он был сговорен в двенадцатилетнем возрасте почти против воли. У нас нет никаких прямых доказательств того, что в данном эпизоде „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ отразились отношения Петра II, Меньшикова и его дочери, но в том, что эти отношения могли повлиять на обработку соответствующего эпизода „Повести“, мы полагаем, едва ли можно сомневаться.

Следует отметить, так как это может помочь нам в решении некоторых вопросов, связанных с „Повестью о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“, что автор ее при описании ареста генерал-фельдмаршала и его семейства проявил, как нам кажется, большую осведо-